БИБЛИОТЕКА
Алупкинского Государств.
Дворца - Музея
ОТДЕЛ
ИНВ. №
ШИФР

9145
12,9,13

АЛУПКІНСЬКИЙ
ПАЛАЦ-МУЗЕЙ
в м. Алупці
БІБЛІОТЕКА
Інв. № 4349

Кн 7820
ЛАМ

К № 784
АДМ

ПЕРЕПИСКА
ФРИДРИХА II,

прежде и послѣ возшествія
Его на Престолъ,

СЪ НАСТАВНИКОМЪ СВОИМЪ
ДЮГАНОМЪ ЖАНДЮНОМЪ.

пер. съ подлинника

РОМАНЪ РЕБИНДЕРЪ.

въ Санкт-петербургѣ 1794 года.
печ. въ типограф. П. Б. по Невской перспект.
въ бывшемъ домѣ Графа Д. А. Зубова.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Господину

ГенералЪ-Порутчику,

Двора

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО

ВЕЛИЧЕСТВА

Дѣйствительному Камергеру,

Графу

Владимиру Григорьевичу

ОРЛОВУ,

Милостивому Государю.

свидѣтельствовалъ и подписалъ Гражданскихъ дѣлъ Приставъ Пахомій Князевъ.

Милостивый Государь!

Употребивъ свободные отъ должности часы на пріятное для меня въ Россійской словесности упражненіе, почелъ за долгъ посвятить трудъ сей имени Вашего Сіятельства въ изъявленіе совершенной моей къ особѣ Вашей преданности и высокопочитанія, съ коими имѣю честь пребыть навсегда.

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя

всепокорнѣйшій слуга

Романъ Ребиндеръ.

ВВЕДЕНІЕ.

Имя и царствованїе фридриха втораго, Короля Прусскаго, приобрѣли великую славу въ нынѣшнемъ столѣтїи, и память его продлится долго. Все однакожъ проходитъ нечувствительно: новые предмѣты изглаживаютъ самыя сильнѣйшїя впечатлѣнїя, которыя кажутся неизтребимы, и то, что славно въ нѣкоторой части поверхности земнаго шара, часто въ другихъ бываетъ покрыто мракомъ и даже неизвѣстно. Сїе доказываетъ, сколь мнѣнїе о славѣ слу-

чайно и недостойно обладать толь сильно умами, чтобъ быть цѣлїю дѣйствїй всей нашей жизни, которая можетъ употреблена быть на полезнѣйшее.

Вскорѣ послѣ кончины сего Монарха, сѣтованїе было чрезмѣрно. Всѣ устремились къ остаткамъ его тѣла, которое по ветхости своей казалось драгоцѣннымъ, и воздали оному почти туже честь, какъ и Епиктитову свѣтильнику. Памятники и произведенїя ума его заслуживали еще болѣе вниманїя, и оные дѣйствительно изыскиваны были

съ необыкновенною ревностїю. Первыя изданїя Твореній его были тотчасъ разобраны, и по томъ во многихъ мѣстахъ печатаны, неупоминая о подложныхъ, подъ разными видами оправдываемыхъ.

Современники, имѣвшїе случай примѣчать теченїе дѣлъ и всѣ достопамятности касающїяся до разныхъ переписокъ Короля сего, а особливо съ Волтеромъ и Даламбертомъ, непреминутъ конечно снабдить насъ пріятными и нужными изъясненїями, безъ чего участїе въ оныхъ принима-

емое нечувствительно умень-
шится и наконецъ совсѣмъ ис-
чезнетъ.

Я предлагаю здѣсь новую и вѣрную картину, изображающую первоначальное свойство сего Короля, прежде нежели разпространили славу имени его помянутые Мужи чрезъ свои переписки, а болѣе собственныя дѣла. Должно почесть истиннымъ сокровищемъ и сїи письма юнаго, по природѣ добраго и чувствительнаго Принца къ своему Наставнику, который подавалъ ему найлучшїя правила и соби-

ралъ съ оныхъ плоды до послѣдняго издыханїя. Сей Наставникъ былъ Дюганъ Жандюнъ, коего Собранїе писемъ доставилъ намъ племянникъ его, Капитанъ Дюганъ Кревекюръ, который по двадцати пяти лѣтней службѣ въ Прусскихъ войскахъ, возвратился во Францїю, въ нѣдро семьи своей въ Шампанїи, гдѣ находилась мать его, братья и сестры. Онъ ввѣрилъ намъ предъ отъѣздомъ своимъ залогъ, сей съ точнымъ условїемъ, дабы возвратить ему подлинникъ онаго, что мы и исполнили съ признатель-

нѣйшею благодарностїю и сугубымъ удовольствїемъ, которое принесло намъ изданїе онаго въ свѣтъ.

ПЕРЕПИСКА

ФРИДРИХА II.

ВЪ БЫТНОСТЬ ЕГО НАСЛѢДНИКОМЪ ПРЕСТОЛА,

СЪ ДЮГАНОМЪ ЖАНДЮНОМЪ.

ЗАПИСКА I.

Любезный ДюганЪ!

Коль скоро я буду имѣть собственныя деньги, то непремину опредѣлить ВамЪ изЪ оныхЪ по 2400 ЕфимковЪ ежегодной пенсіи, и не престану любить и почитать ВасЪ болѣе и болѣе.

ФридрихЪ П. П.

ПотсдамЪ, Іюня 15 го 1727 года.

I ФридрихЪ былЪ тогда только шестнадцати лѣтЪ, но незабылЪ обѣщанія своего. (смотр. Письмо Его отЪ 18 Марта 1744.)

ПИСЬМО II.

изъ Бр. . . .

Любезнѣйшій другъ!

Никогда и ничто меня такъ неопечалило, какъ извѣстіе о нещастномъ Вашемъ жребіи. Я надѣюсь, что Вы зная меня коротко, отдадите мнѣ справедливость въ томъ, что я невиновенъ въ вашемъ нещастіи. Сіе оправдаетъ самая истинна, равно какъ и то, что я по приложеніи неусыпныхъ, хотя большею частію тщетныхъ трудовъ, дабы вывесть васъ изъ прискорбнаго положенія, имѣю наконецъ удо-

вольствїе увѣдомишь васъ, что Всевышнїй благословилъ старанія [1] мои, ибо вы чрезъ три недѣли не токмо освобождены будете изъ темницы, [2] но и доставлено вамъ будетъ 400 ефимковъ годовой пенсїи. Однако

1. Старанія Принца о Мантурѣ своемъ не могутъ быть чувствительнѣе явлены, и Бравеншвейгскїй Дворъ совершенно соотвѣтствовалъ его намѣреніямъ, оказывая всевозможное уваженїе г. Дюгану, который всегда воспоминалъ съ благодарностїю о спокойномъ пребываніи своемъ въ Бланкенбургѣ.

2. Дюганъ сосланъ былъ въ Мемель за усердную и непоколебимую преданность къ Принцу во время немилости у Отца его Короля.

симъ еще я недоволенъ, и доколѣ буду живъ, употреблю всю свою довѣренность и силу къ возстановленїю благополучїя вашего, и надѣюсь будучи равно всегда къ вамъ расположенъ, имѣть впредь случай доказать, что я вамъ другъ болѣе на дѣлѣ нежели на словахъ. Прощите до свиданїя.

Фридрихъ.

Прошу васъ принять посылаемую при семъ бездѣлку для вашего содержанїя, а со временемъ, когда буду въ состоянїи, не премину служить вамъ большимъ.

ПИСЬМО III.

изъ Шпандау, Іюня 15 дня 1736 года.

Не отъ лѣни, но по неимѣнію вѣрныхъ случаевъ, замедлилъ я увѣрить васъ въ постоянной моей дружбѣ. Я неупоминаю точно о томъ времени, когда судьба столь жестоко обоихъ равно насъ гнала. Въ сихъ обстоятельствахъ поставляю за первое правило мыслить о будущемъ благополучіи, стараясь забыть всю печаль и жестокость прошедшаго. При всемъ томъ,

1. Я получилъ письмо сіе Іюля 26 дня 1733 году, и при ономъ перстень.

мой любезный, могу увѣрить васъ, что нещастїя ваши болѣе меня трогали нежели собственныя мои, и какъ вамъ извѣстно, что я искреннїй вашъ другъ, то и легко можете судить о соболѣзнованїи моемъ въ разсужденїи васъ. Но пресѣчемъ сїю непрїятную матерїю, и возвратимся къ настоящимъ обстоятельствамъ. Вы извѣстны о перемѣнѣ состоянїя моего къ пользѣ моей, но не знаете можетъ быть, что изсѣкаемое глубоко на мраморѣ изглаждается нескоро. За излишнее нахожу изъясняться вамъ

болѣе, ибо вы и по сему можете знать положеніе наше. Что же до меня касается, полагайтесь на почтеніе мое, дружбу и пособіе. Я сохраняю всегда тѣже къ вамъ чувствованія, которыя имѣлъ и прежде. Надѣюсь, что наступитъ время, въ которое буду имѣть случай вамъ оное доказать. Непринимайте всего сего, мой любезный, за пустыя токмо слова, ибо оныя суть слова истинны, которую оправдаютъ мои поступки. Прости, любезный другъ, я весь къ твоимъ услугамъ.

Фридрихъ.

Будьте благосклонны и имѣйте привязанность къ подателю сего письма: онъ мой вѣрной другъ.

ПИСЬМО IV.

изъ Берлина Марта 19 дня 1734 года.

Любезный ДюганЪ!

Вы знаете опасность, въ которую ввергается человѣкъ, когда не можетъ свободно чего нибудь произвесть. Сїе понудило меня замедлить по сїе время отвѣтомъ, и ожидать вѣрнаго случая до свиданїя съ сестрою [1] моею. Она откроетъ вамъ всѣ мысли мои въ разсужденїи васъ. Я всїо тотъ же, но подобенъ зеркалу, которое при-

[1] Филипина Шарлотта, Герцогиня Бравеншвейгская.

нуждено показывашь всѣ представляемые предъ нимъ предмѣты и подвержено необходимости соображаться нелѣпостямъ оныхъ. . . . Не взирая на сїе выраженїе, могъ бы я еще яснѣе открышь свои мысли вѣрному другу, но вспомнилъ наставленїе одного мудраго, увѣщеваюшее насъ къ молчанїю. Прости любезный; я ожидаю времени, когда можно будетъ видѣться и говорить безъ боязни и страху, и повторять увѣренїя о совершенномъ моемъ почитанїи, съ каковымъ остаюсь.

Фридрихъ.

ПИСЬМО V.

изъ Рейнсберга Октября 20 дня 1736 года.

Любезный Дюганъ!

Не имѣя столь вѣрнаго случая, я бы не осмѣлился къ вамъ писать. Надѣюсь, что вы зная меня довольно, неприпишите молчанїя моего легкомыслїю, и не подумаете, чтобъ я чуждъ былъ благодарности, которою обязанъ человѣку преисполненному правоты и чести, и употребившему всю прозорливость своего разума для воспитанїя и наставленїя моего. Я безпрестанно во-

споминаю о томъ знаменитомъ
признанїи, которое Александръ
Великїй изъявилъ своему учите-
лю, объявя, что въ нѣкоторыхъ
случаяхъ онъ больше ему обя-
занъ, нежели своему отцу. Хотя
я неимѣю въ себѣ достоинства
сего великаго мужа, однакожъ не-
почитаю себя недостойнымъ по-
дражать ему въ хорошихъ по-
ступкахъ. И такъ позвольте,
любезный Дюганъ, сказать вамъ
то же самое: отцу токмо обя-
занъ я жизнїю, но не превосход-
нѣе ли даръ разума?

Признаюсь государь! что я

вамъ всемъ обязанъ, [1] и шѣмъ, за что Европа меня похваляетъ, тебѣ, любезный Дюганъ, тебѣ я одолженъ.

Кажется въ семъ случаѣ я довольно оправдался, и надѣюсь, что вы и безъ моего объясненія сами отдали бы мнѣ равную справедливость.

1 *Подражаніе стихамъ изъ Генріады, пѣснь* II:

Признаюсь, Государь! что всемъ ему обязанъ; но шѣмъ, за что Европа меня похваляетъ, и шѣми подвигами, за которые часто я почтенъ былъ отъ Рима, обязанъ тебѣ, свяшѣйшая тѣнь. *Тако Генрихъ* IV *говорилъ въ душѣ великаго Колинія.*

Я чрезмѣрно желалъ бы видѣть васъ нынѣ; но зная точное расположенїе людей, не могу ласкать себя надеждою вскорѣ имѣть сїе удовольствїе. Когда человѣкъ слѣпо предается своимъ предразсудкамъ и невникаетъ въ связи дѣлъ и вещей, то всегда подверженъ заблужденїю, отъ чего и происходитъ большая часть нашихъ погрѣшностей. Желательно, чтобъ разсужденїе Малебранша о изслѣдованїи истинны было болѣе извѣстно и съ большимъ тщанїемъ читано . . . Союзъ крови нала-

гаетъ мнѣ молчанїе въ такомъ дѣлѣ, о которомъ могъ бы я гораздо свободнѣе изъяснишься, и тогда исчезло бы тонкое различїе между ненавистью худыхъ дѣлъ и любовїю къ тому, кто оные производитъ. Почтенїе въ подобныхъ случаяхъ, заставляетъ дашь пороку несвойственной видъ, а человѣколюбїе влечетъ насъ вообще къ сокрытїю слабостей ближняго.

Любезный Дюганъ! успокойте духъ свой, и повинуйтесь непремѣннымъ законамъ судьбы, которую ни единый смертный

не въ состоянїи перемѣнить. Представте, что вы теперь читаете книгу, въ которой на каждой страницѣ принуждены слѣдовать творцу оной, сбращая вниманїе свое противъ собственнаго расположенїя. Естьли совершенное мое къ вамъ почтенїе можетъ быть полезно, то полагайтесь на оное. Мое доброжелательство, любезный Дюганъ, повсюду непреложно за вами слѣдовать будетъ.

Вашъ усердный и вѣрный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО VI.

изъ Рейнсберга Марта 13 дня 1737 года.

Любезный Дюганъ!

Потеряніе навсегда тѣхъ, которые намъ любезны, есть самое жестокое искушеніе, чрезъ которое мы должны проходить въ мірѣ. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ постоянство, твердость и разсудокъ кажутся намъ слабою помощію, и мы предаемся токмо единому огорченію. Я сожалѣю отъ всего сердца, видя васъ въ подобномъ положеніи. Вы лишились отца, котораго лю-

били и который давши вамъ наилучшее воспитанїе, оказалъ двойное благодѣянїе. Но онъ уже былъ старъ; лѣта его и слабость могли предзнаменовать приближавшуюся его кончину. Теченїе времени влекущее все съ собою, и непрерывное послѣдствїе безчисленныхъ перемѣнъ долженствуютъ васъ хотя нѣсколько утѣшить въ потерѣ вашей. Непреложный законъ судьбы требуетъ нашей смерти. Отецъ вашъ заплатилъ долгъ естеству; очередь дойдетъ и до насъ. Что можетъ быть обык-

новеннѣе, какъ видѣть раждающихся и умирающихъ? Но мы всетда ужасаемся смерти, какъ будто чуждой и необыкновенной для насъ вещи.

Спарайтесь, сколько можно, утѣшиться, любезный Дюганъ. Подумайте, что есть необходимость полагающая конецъ всѣмъ произшествїямъ, и что не возможно противоборствовать рѣшенїю судьбы. Иначе содѣлаемъ мы токмо себя нещастнѣе безъ всякаго измѣненїя нашего состоянїя, и помрачимъ горестью пріятнѣйшїе дни жизни нашей,

коихъ краткость долженствовала бы увѣщевать насъ къ неогорченію злополучіемъ.

Ничто не можетъ быть для меня столь лестно, какъ оказываемая мнѣ отъ васъ довѣренность въ убѣжищѣ, котораго вы во мнѣ ищете. Сколь бы я былъ щастливъ, естьлибъ могъ быть защитникомъ утѣсненныхъ и подпорою нещастныхъ, и когда бы могъ умѣрить вашу горесть и снискать бальсамъ врачующій раны всѣхъ скорбей вашихъ. Естьли моя къ вамъ дружба можетъ быть для васъ полезна,

по надѣйтесь несомнѣнно на оную, равно какъ и на тѣ чувствованїя, кои къ вамъ сохраняю.

Мы въ числѣ 14^ти друзей уединились вкушать здѣсь ушѣхи дружества и сладости покоя. Мнѣ кажется, что я былъ бы совершенно щастливъ, естьлибъ вы могли присоединиться къ намъ. Мы не знаемъ здѣсь бурныхъ страстей, и стараемся единственно наслаждаться безмятежною жизнїю.

Примите сїю бездѣлку, которую къ вамъ посылаю. Дружество-мое къ вамъ хотя нынѣ не мо-

жетъ быть ознаменовано важными дѣйствїями, по крайней мѣрѣ спремится изобразить слабыми чертами залогъ моихъ доброжелательныхъ чувствованїй. Я увѣренъ, что вы точно съ такой стороны примете то, что я при семъ къ вамъ провождаю, и никогда не усумнитесь о истинномъ почитанїи, съ каковымъ остаюсь.

Любезный Дюганъ!

Вашъ вѣрно-усердный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО VII.

изъ Рейнсберга 9 дня Октября 1737 года.

(1. писанное въ стихахъ до заключенїя)

Любезный Дюганъ! вѣрный вождь юнѣйшихъ моихъ лѣтъ! ты, который умѣлъ съ ученостїю соединять свободность, веселїе, прїятство и забаву, и

1. Переводчикъ неизобразилъ какъ сего такъ и слѣдующаго во второй части письма стихами, дабы неудалиться отъ точности, и тѣмъ бы не затьмить болѣе силы въ выраженїяхъ вѣнценоснаго Стихотворца, который краткокъ толико въ словѣ какъ обиленъ въ мысляхъ.

содѣлался наконецъ жертвою клеветы!

Когда сїи мрачныя змѣи изрыгали всюду ядъ свой, и казалось, что устремлялись на весь родъ смертныхъ, моя робкая невинность погружена была въ глубокой сонъ на лонѣ невѣжества; и се ты сопутствуемъ Минервою, держащею свѣтильникъ, указалъ мнѣ путь къ безсмертїю и въ отдаленїи храмъ славы, въ коемъ дѣянїя истинныхъ Ироевъ начертаны являлись. Священная истинна, сїя цѣломудренная небесная Дѣва съ

сестрою своею Правотою, пред-
сидѣли въ сихъ мѣстахъ. Тамо
множество Побѣдоносцевъ, зем-
нымъ бичемъ именуемыхъ, были
строгимъ Судїею изгоняемы, и
тому, кто желалъ вступить въ
сей храмъ, надлежало необходимо
содѣлаться добродѣтельнымъ.
Тамъ всѣ подобные между собою
смѣшаны въ едину толпу. Ари-
стидъ и Сократъ, Титъ, Ав-
густъ, Троянъ, Антонинъ, Юлї-
янъ, Виргилїй, Горацїй, Гомеръ,
Лукїянъ и Овидїй наслаждаются
равною тутъ славою и безсмер-
тїе блюдетъ ихъ память.

Предъ взоромъ смертныхъ подобятся сни Богамъ, и пипаются фимїамомъ для нихъ курящимся. Се награда дѣянїямъ достойнымъ.

„Подвиги сихъ Ироевъ, вѣ-
„щала ко мнѣ Богиня, да послу-
„жатъ тебѣ примѣромъ на всю
„твою жизнь, и сїе побужденїе
„да содѣлаетъ тебя неутоми-
„мымъ въ жертвоприношенїи
„Аполлону. Манторъ препрово-
„дитъ тебя по стезямъ небе-
„снымъ, и ты соберешъ розы не-
„имущїя шиповъ. Фебъ даруетъ
„ему быстрыхъ своихъ коней,

„и твое ученїе будетъ тебѣ въ
„юности пріятностїю, въ ста-
„рости, утѣшенїемъ, и среди до-
„машней тишины или сосѣд-
„ней, въ мирѣ или на брани,
„въ покоѣ или на пути, содѣлаетъ
„жизнь твою блаженною и душу
„исполнитъ восторгомъ.

О естьлибы всегда я былъ преклоненъ къ мудрымъ твоимъ наставленїямъ и убѣгалъ разсѣянности! но чудовище, противоборствующее Мудрости, непрестанно бодрствуетъ для пресѣченїя ея благонамѣренїй. Оно пѣнїемъ Сиренъ и языкомъ

притворства вселяетъ въ насъ мечты, и когда оными токмо плѣнитъ, тогда всѣ наши труды исчезнутъ и ученїе обратится въ тщету.

Симъ образомъ, любезный Дюганъ, бывъ я увлеченъ веселїями, содѣлался нечувствительно игралищемъ стремительныхъ вожделѣнїй: среди лѣта своей жизни, при надежнѣйшей основательности, Минерва сама долженствовала бы мнѣ быть вождемъ; но рѣдко при шумѣ и молвѣ является Мудрость. Сея ради вины удалясь подъ тихую тѣнь, я сни-

скиваю, хотя и поздо, добродѣ-
шель и просвѣщенїе.

Ты, который рано стяжалъ
сїи сокровища, сопроводи ихъ
на брега наши! мы истощимъ всѣ
силы свои къ сохраненїю оныхъ.
Въ величественномъ ихъ образѣ и
простой одеждѣ соединено ис-
кусство и природа.

О когда бы я въ семъ храмѣ,
предъ очами смертныхъ, могъ уч-
редить имъ жертвы и воздвиг-
нуть жертвенники! и воздая
достойную честь твоей добро-
дѣтели, явить свѣту, что дол-
женъ почитать себя твоимъ ру-
котворенїемъ.

Подобно какъ въ поляхъ развислые кустарники, коихъ вѣтви въ смѣшенномъ являются безпорядкѣ, содѣлываются великолѣпнымъ украшенїемъ для вертоградовъ, когда искусная рука оправишъ ихъ дикость; такъ и воспитанїе возвышаетъ душу, очистивъ разумъ отъ понятїй неправыхъ и обратя оной къ Музамъ.

Я обязанъ тебѣ болѣе, нежели Виновнику дней моихъ. Онъ далъ мнѣ жизнь посреди юныхъ въ любви утѣхъ; но тотъ, кто меня наставилъ и озарилъ свѣ-

томъ разсудокъ, есть питатель мой и истинный отецъ.

Свободныя минуты, которыя токмо могъ я избрать въ сихъ мѣстахъ, употребилъ на исполненїе даннаго тебѣ слова. Се любезный другъ стихи, которыхъ ты желалъ. Скорблю, необладая витїйственнымъ даромъ изобразить въ полной силѣ своихъ къ тебѣ чувствованїй, и скорбь моя будетъ сугуба, естьли почтешь за стихотворческїй вымыслъ всю истинну, которую я вмѣстилъ въ сїе твореніе.

Неусумнись въ участїи, кото-

рое я приемлю во всемъ до тебя относящемся, и вѣрь, что всегда къ тебѣ любезный Дюганъ пребудетъ

усерднѣйшимъ другомъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО VIII.

изЪ Берлина Іюня 22 дня 1737 года.

Любезный ДюганЪ!

Воспоминанїе ваше весьма мнѣ пріятно, а письма ваши доставляютъ удовольствїе, чувствуемое всегда при полученїи извѣстїя о такомъ другѣ, съ которымъ давно неимѣлъ свиданїя. Сестра моя увѣряетъ меня, что вамъ пріятно пребыванїе ваше въ Бланкенбургѣ, и что вы ведете жизнь Философскую.

На сихъ дняхъ видѣлъ я брата вашего пріѣхавшаго изъ Гол-

ландїи ; [1] черпы ваши въ немъ, видъ и самый голосъ столь живо предсшавились воображенїю моему, чшо мнѣ казалось въ шу минушу, будшо я васъ вижу и съ вами бесѣдую.

1. Дюганъ изъ Ванса, бывшїй по шомъ 1779 году Генераломъ въ службѣ Голландской, умеръ въ Берлинѣ Генваря 22 дня 1784 года. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно хорошихъ свойствъ, и во время пребыванїя своего въ Берлинѣ воздавалъ честь ихъ Высокомочїямъ, равно какъ и оныя ему, оставивъ до самой его смерши при немъ его доходы, права, повышенїя и всѣ преимущесшва сопряженныя съ его чиномъ, какими шокмо онъ могъ пользоваться въ своемъ опсушсшвїи.

Но сїя минутная мечта была послѣдуема скорбїю, сопровождающею потерю того, что насъ восхищало.

Любезный Дюганьі судьба разлучила насъ: она можетъ воспрепятствовать нашему соединенїю; но не въ силахъ удержать мыслящее существо, ожидающее меня, чтобъ васъ не любить и не почитать. Вы бывъ сосланы ради меня, не забывайте взять въ примѣръ Цицерона изощрявшаго въ заточенїи краснорѣчїе, Овидїя воздыхавшаго въ нѣжныхъ пѣнїяхъ, и

Сципіона, отмстителя за Отечество и явившаго всю стоическую въ себѣ твердость, какую токмо здравый разсудокъ одобришь и укрѣпить можетъ въ душѣ великой.

Выгоды ваши и благосостоянїе препоручилъ я покровительству Герцога и моей сестры. Вы въ хорошихъ рукахъ, и я нынѣ не безпокоюсь о участи вашей. Сестра моя, можетъ увѣрить васъ, что я всїо тотъ же и никогда не забываю попечителей юности моей, чуждаясь всегда неблагодарностикъ терпя-

щимъ отъ единой ко мнѣ привязанности; ибо неблагодарность есть порокъ, къ которому врожденное и крайнее имѣю омерзѣнїе, и смѣю сказать, не нарушая закона скромности, что признательность была и будетъ главною мою добродѣтелью.

Да соединитъ насъ благополучная судьба по бурныхъ дняхъ! Я у васъ въ долгахъ, и нетерпѣливо желаю расплатиться.

Не сомнѣвайтесь о совершен-

номъ моемъ почитаніи и истин-
ной дружбѣ, съ каковыми пре-
буду навсегда.

Любезный Дюганъ!

Вашъ вѣрно-усердный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО IX.

изъ Рупина Маія 12 дня 1738 года.

Любезный Дюганъ!

Письма ваши приносятъ мнѣ всегда несказанное удовольствіе. Онѣ меня извѣщаютъ о другѣ, котораго люблю, и повторяютъ увѣренія о его комъ горячности и постоянствѣ. Но я охотно бы согласился неполучать оныхъ, а слышать изустно отъ васъ все то, что въ нихъ изображается чрезъ нѣмыя буквы.

Я часто, любезный Дюганъ, чувствую, что болѣе уже осьми

лѣтъ съ вами невижусь. Время сїе весьма долго для меня въ разсужденїи отсутствїя вашего, а коротко по его скоротечности. Вы оправя молодое дерево, очистивъ вѣтви и приложа все стараніе о его возращенїи, не вкушаете и первыхъ онаго плодовъ. Но по щастїю не великую вы въ томъ имѣете потерю, ибо одно токмо дружество можетъ отъ того потерпѣть.

По видимому сказано вамъ, будто я философъ. Я бы желалъ быть онымъ до такой степени, сколько вы повѣрить мо-

жете. Но за нужное почитаю предостеречь васъ, чтобъ вы не всему легко вѣрили. Довольно мнѣ сказать вмѣстѣ съ Лукрецïемъ: *блаженъ, кто постигъ и начала вещей!*

Сей Пïитъ и Философъ будучи столь мудръ, оплакивалъ малое познанïе людей, предвидя невѣдѣнïе, въ которомъ они всегда пребудутъ въ разсужденïи и единыхъ токмо первоначальныхъ основанïй. Лукрецïй судилъ справедливо, ибо извѣстно, что во всѣхъ столѣтïяхъ почитался за лучшаго философа

тотъ, который сочинялъ замысловатыя басни о дѣйствіяхъ природы. Но говоря о толь великихъ мужахъ, можно ли послѣ говорить о себѣ? Мнѣ остается только сказать, что я бы хотѣлъ по справедливости заслужить имя Философа.

Желая же дать вамъ нѣкоторымъ образомъ отчетъ въ упражненіяхъ моихъ, посылаю вамъ стихотворческое сочиненіе, которое хотя и писано въ духѣ философскомъ, но важность онаго украшена нѣсколько

1. Сочиненія сего не найдено.

и цвѣтами. Мысль для него заимствовалъ я отъ звука оружій и Марсовыхъ знаменъ, которыя меня теперь осѣняютъ. Я бы желалъ, чтобъ Муза моя нѣкогда могла воспѣть пріятства вашего общества и моей къ вамъ горячности: ей бы только осталось располагать порядкомъ и удареніемъ словъ, а остальное дополнило бы мое сердце.

Человѣкъ вашихъ дарованій блистаетъ во всѣхъ обществахъ, и вы имѣете право именоваться Гражданиномъ вселенной. При всякомъ случаѣ я съ сожа-

лѣпïемъ о васъ воспоминаю; мое серлце требуетъ друга, здравой разсудокъ Маптора, а разумъ васъ самихъ.

Пребываю съ истиннымъ почитанïемъ и искренною благодарностïю.

Любезный Дюганъ!

Вашъ вѣрный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО X.

изъ Рейнсберга Февраля 10 дня 1738 года.

Любезный Дюганъ!

Я выполнилъ желанїе ваше о одобренїи брата вашего; теперь остается узнать, полезно ли оное? Я сего желаю изъ любви къ себѣ, дабы имѣть утѣшенїе показать вамъ нѣкоторымъ образомъ первые плоды моей благодарности.

На послѣднее ваше письмо не могъ и не смѣлъ я отвѣчать; могу только сказать, что стихи ваши прекрасны. Онѣ испол-

нсны свободности, пріятства и нѣжности. Естьли вы еще какіе сочиняете, то не скупитесь присылать; доставите ко мнѣ нѣсколько оныхъ чрезъ посредство сестры моей и остерегайтесь посылать письма чрезъ почту.

Я никогда не былъ такъ заваленъ книгами какъ нынѣ, стараясь возвратить время юности моей столь неосторожно утраченное, и приобрѣсть сколько можно свѣденій. Надѣюсь, что не осудите прудовъ моихъ, кои суть слѣдствіемъ познанія са-

мого себя. Для исправленїя недостатковъ нашихъ должны мы нелѣностно упражняться въ изысканїи истинны, и обращать ради сего вниманїе свое толикоже на событїя новыя какъ и отдаленнѣйшей древности.

Вы сами хотя по щастливому дарованїю могли быть свободны отъ такового труда, приняли однакожъ оной независимо отъ сего побужденїя. Науки и художества нравились вамъ сами по себѣ; не имѣли вы другаго намѣренїя въ упражненїи въ оныхъ, какъ токмо, чтобъ слѣ-

дованіе внушенію щастливаго вашего расположенія. Въ свободные часы не забывайте признательнаго вашего ученика. Вспоминайте о мнѣ и не лишайте меня дружбы, которую такъ свято обѣщали.

Остаюсь съ почитаніемъ и признательностію.

Любезный Дюганъ!

Вашъ вѣрно-усердный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО XI.

изъ Брабеншвейга, Августа 14 дня 1738.

Любезный Дюганъ!

Проѣзжая такъ близко къ мѣсту пребыванїя вашего, какъ Бланкенбургъ отъ Брабеншвейга, не простительно бы было для меня не извѣстить васъ о себѣ. Я льщу себя надеждою, что вы всегда во мнѣ принимаете участїе, и не воспоминаете обо мнѣ равнодушно.

По прудномъ путешествїи прибыли мы сюда въ довольно изнуренномъ состоянїи. Теперь

(

пользуемся весе·оспями ярмонки и пріятностію здѣшнихъ окружностей. Завтрешній день назначенъ къ отъѣзду нашему, а день моего уединенія послѣдуетъ вскорѣ по прибытіи моемъ въ Берлинъ.

Вотъ, любезный другъ, прошедшее, настоящее и будущее препровожденіе моего времени. Что касается до васъ, то желалъ бы отъ всего сердца видѣться съ вами. Сестра моя можетъ свидѣтельствовать, что я при всякомъ съ нею свиданіи воспоминаю объ васъ, какъ другъ.

Облегчайте, сколько можно, положенїе свое, къ коему осуждены судьбою. Забудьте и меня, естьли сїе препятствуетъ вашему покою, и старайтесь единственно достигнуть благополучїя, которое можетъ вамъ представить воображенїе: сїе есть правило мудрости, слѣдовательно и ваше. Удаляйте всемѣрно мысли о започетїи, отечествѣ и домашнихъ вашихъ; бесѣдуйте чаще съ книгами, нежели съ людьми большаго свѣта; и какъ вы вездѣ можете найти сїю древнюю бесѣду, то и

не такъ чувствительна вамъ будетъ перемѣна мѣста, какъ бы могла быть безъ оной. Возвысьте наконецъ духъ свой выше всего, что бы могло покорить оной печали.

Наше щастїе не зависитъ отъ произволу веретена какой либо Парки: мы сами творцы благополучїя своего, и благополучїе сїе зависитъ много отъ видовъ, какїе представляетъ намъ воображенїе. И такъ исполните, сколь возможно, воображенїе ваше мыслїю о благополучїи; покорите духъ свой духомъ муже-

ства, и успокоивъ самихъ себя споспѣшествуйте чрезъ то и моему спокойствію.

Я принимаю всегда искренное участіе во всемъ, что до васъ касается, и есмь болѣе всякого.

Любезный Дюганъ!

Вашъ вѣрно-усердный другъ

Фридрихъ.

ПЕРЕПИСКА

ФРИДРИХА II

СЪ ДЮГАНОМЪ ЖАНДЮНОМЪ

по возшествіи на престолъ.

ПИСЬМО I.

изъ Шарлоттенбурга, Іюня 2 дня 1740.

Господинъ Дюганъ!

Я получилъ письмо ваше, и въ отвѣтъ на оное объявляю, что вы можете пріѣхать сюда, получа увольненїе отъ того мѣста, гдѣ теперь находитесь. Пребываю.

Вашъ благосклонный Король

Фридрихъ.

Судьба моя перемѣнилась, мой любезный: я ожидаю васъ съ нетерпѣливостїю; не мучите меня ожиданїемъ.

ПИСЬМО II.

изъ Стрелецкаго стану Августа 15 дня 1741 года.

Любезный Дюганъ!

Я опасался не безъ причины, какъ казалось, что старый Жандюнъ не помнитъ болѣе о своенравномъ своемъ воспитанникѣ; однако весьма радуюсь, что въ томъ ошибся. Забавляйшесь, любезный Дюганъ тогда, какъ мы трудимся, и вкушайте спокойствїе, когда мы сражаемся съ непрїятелями. Вы пишете ко мнѣ о моемъ возвращенїи, въ такое время, когда всѣ пригото-

вляются къ сраженїямъ, и когда кажется, что духъ войны рѣшитъ участь двухъ сильныхъ государствъ. Время откроетъ намъ послѣдствїя, какъ говорятъ вѣстоносцы, и какъ равно и я ничего лучшаго вамъ о семъ сказать немогу. Простите! любите меня, и будьте увѣрены въ почтенїи, съ каковымъ пребываю всегда.

Вашъ вѣрный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО III.

изъ Бржецкаго стану Маїя 27 дня 1742 го.

Любезный Дюганъ!

Вы научаетесь теперь опытомъ познавать свѣтъ и орудїя, кои употребляетъ провидѣнїе, чтобъ произвесть въ дѣйство важныя произшествїя. Я негодное сїе орудїе, которое вамъ по тому коротко извѣстно, что вы видѣли оное, когда только появилось въ свѣтъ.

Посредствомъ послѣдняго нашего дѣйствїя, [1] утвержденъ

1 Сраженїе подъ Сцяславомъ или Хотужичемъ, Маїя 17 го, которому вскорѣ

Императоръ въ достоинствѣ Главы Имперіи и Короля Богемскаго. Я имѣю право думать, что сіе рѣшительное произшествіе доставитъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ прежде нежели я надѣялся.

Воспоминовеніе ваше, любезный Дюганъ, мнѣ всегда драгоцѣн-

послѣдовалъ Бреславской миръ. (*смотр. Исторію моего времени*,) гдѣ въ 1 части 6 главы между прочимъ говоритъ Король: „Естьлибъ Прусаки были и побиты при Хотужичахъ, то Государство не осталось бы безъ помощи; но одержавъ побѣду, доставили себѣ миръ.„ Онъ говоритъ почти тоже самое въ письмѣ къ г. Дюгану, подъ закрытыми словами.

но. Будьте немного щедрѣе въ письмахъ вашихъ во время отсутствія моего, а въ свиданіяхъ, когда я дома. Не воображайте себѣ, чтобъ война могла ожесточить мои нравы, и знайте, что и въ срединѣ повѣтрія бываютъ тѣла незараженныя.

Простите, любезный Дюганъ! сохраняйте всегда дружбу вашу ко мнѣ, и будьте увѣрены въ почитаніи моемъ.

Фридрихъ.

ПИСЬМО IV.

изъ Бреславля Марта 18 дня 1744 года.

Вы спрашиваете, въ чемъ состоитъ должность ваша въ званіи Директора Лигницкой Академіи? Оная состоитъ въ томъ, чтобъ получать пенсію свою, любить меня и спокойствіемъ наслаждаться. Я надѣюсь, что вы не отречетесь вступить въ сію должность, которая тѣмъ менѣе затруднительна, что только сего единственно отъ васъ и требуетъ. Живите спокойно въ Берлинѣ, любезный Дюганъ, на-

слаждайтесь въ старости тѣми преимуществами, которыя приличны достоинству вашему, и въ которыхъ щастїе отказывало вамъ въ молодости вашей. Простите: я возвращусь въ Берлинъ къ 29^му числу, и поставлю за удовольствїе увидѣть васъ и увѣрить, что есмь.

Вашъ вѣрный воспитанникъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО V.

изъ Нейса 12 Апрѣля 1745 года,
писанное стихами кромѣ заключенїя.

Твоя шестидесятилѣтняя Муза имѣетъ прїятности юныхъ лѣтъ и гласъ ея чистъ. Она обладаетъ щаспливымъ искуствомъ нравиться, умѣя въ пѣсняхъ своихъ вмѣщать такїя чувствованїя, которыя и Аполлонъ въ своемъ святилищѣ призналъ бы за собственное порожденїе.

Когда сей Богъ вдыхаетъ тебѣ на двухолмистой вершинѣ нѣжныя и новоизобрѣтенныя

пѣнїя, тогда онѣ возбуждаютъ меня къ плескамъ и удивленїю, что въ преклонный твой вѣкъ пламенное воображенїе, какъ бы въ юныхъ лѣтахъ, одушевляетъ, украшаетъ и помоществуетъ силамъ твоего Аполлона.

Пріятность и красота остались въ твоемъ удѣлѣ не взирая на рушительныя мышцы времени. Не препятствуютъ тебѣ сѣдые власы и чело покрытое морщинами, соблюдать нѣжныя и купно высокїя чувствїя. Ты подобенъ драгоцѣнному и бодрому

пернатому, заключенному въ
вепхую храмину.

Соблюдай въ прекрасныхъ сво-
ихъ спихахъ яркой огнь твоей
юности, и украшай хладныя
льдины зимы твоей дарами фло-
ры; симъ способомъ сооружишь
ты памятникъ имени своему
вѣками нсразрушимый.

Но о Боги! среди изображенїй
сихъ скорбная вѣсть меня по-
ражаетъ. Смерть просперла
мракъ черныхъ своихъ крылїй на
нѣжнаго моего друга, любезнаго
Жордана. Тщетно я и оплакиваю

его: онъ увлеченъ навѣки быстриною времени.

Жорданъ былъ страстный любитель художествъ, и въ вертоградѣ Уранїи мужество его и разумныя бесѣды управляли сомнѣнными моими стопами. Простите мечтательныя утѣхи жизни, очарованїя, сладкїя пиршества, божественная Поэзїя, Вакханки и рѣзвыя игры; прости и ты лесшное изступленїе, въ которомъ я воспѣвалъ любовь и свободу!

Стенящая въ кохтяхъ жестокаго ястреба горлица немо-

жешЪ уже воспѢвать любви своей. Я будучи ей подобенЪ, посреди печали меня отягчающей и вЪ чрезмѢрной моей скорби, возложу свирѢль свою на кипарисахЪ друга моего, или разрушу оную о плачевной его гробЪ и никогда на оной воспѢвать небуду.

Я неспану предЪ тобою извиняться, и буду называть тебя нечувствительнымЪ, непостоянным Ъ и вѢроломнымЪ дотолѢ, пока невозмогу наслаждаться сообществомЪ твоимЪ, и ты находясь вЪ одномЪ со мною градѢ небудешЪ жить такЪ, какЪ за сто

отъ меня верстъ. Жорданъ тако не поступалъ и дружество его ко мнѣ было обходительно и союзно. Я съ нимъ видѣлся ежедневно, и изключая токмо случай болѣзни, мы безпрестанно были вмѣстѣ.

Прости любезный Дюганъ, старайся исправиться и не засиживайся дома.

Фридрихъ.

ПИСЬМО VI.

изъ Нахота Іюня 14 дня 1745 года.

Любезный Дюганъ!

Вы будучи философъ и поздравляете меня одержаніемъ побѣды. [1] Я васъ по сему не узнаю, и думалъ, что вы будете только воздыхать о свирѣпостяхъ, къ которымъ принудили меня непріятели. Что до меня касается, я радуюсь о избавленіи государства моего отъ великаго нещастія, и о возстановленіи

1. Сраженіе подъ Гогенъ-фридбергомъ или Стригау.

славы войскъ моихъ, которую непріятели хотѣли помрачить. Впрочемъ могу увѣрить васъ, что я имѣю всегда въ виду единое и истинное благо и счастіе подданныхъ моихъ. Многіе одерживали побѣды славнѣйшія и столь же совершенныя какъ сія отъ 4го числа. [1] Проходящіе однакожъ успѣхи и имѣющіе свое токмо время, недолженствуютъ

1. Тоже сраженіе подъ Гогенъ-Фридбергомъ или Стригау, въ которомъ случаѣ Фридрихъ объявилъ Королю Французскому:

Я расплатился въ Фридбергѣ по векселю, которой вы взяли съ меня у Фонтенуа.

упоять гордынею мыслящаго человѣка. Провидѣнїе сохранило большую часть друзей моихъ въ теченїи сихъ опасностей, которымъ они всѣ равно были подвержены. Сїе служитъ великимъ для меня утѣшенїемъ, такъ какъ и то, чтобъ быть увѣрену, что вы пользуетесь совершеннымъ здоровьемъ. Сохранйте оное, любезный Дюганъ, и сдавайте справедливость старинной дружбѣ и горячности, съ каковою остаюсь.

Вашъ вѣрный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО VII.

изЪ Студницкаго стану Сентября 24 дня 1745 года.

Любезный ДюганЪ!

Я получаю письма отЪ васЪ токмо чрезЪ семь лѣтЪ, естьли не случится особеннаго какого произшествїя, которое оными меня снабжаетЪ. Представте, какое нещастїе лишиться вЪ одно почти время Жордана и любезнаго Кейзерлинга. Они составляли семью мою и я почитаю нынѣ себя за вдовца и сиротy, и нахожусь вЪ такой

печали, которая чрезмѣрно сокрушаетъ сердце мое.

Вы любезный Дюганъ думаете, что я въ состоянїи управлять жребїемъ своимъ; но я весьма отъ того далекъ. Конецъ похода будетъ рѣшительною нашею минутою, которая столь важна, что должно усугубить благоразумїе и расторопность, чтобъ не сдѣлать такой ошибки, которая можетъ уничтожить всѣ труды мои. Я возвращусь въ Берлинъ не прежде, какъ въ концѣ Ноября, удрученъ будучи здѣшними заботами, и радуясь, что

могу успокоить духъ свой, который болѣе осмьнадцати мѣсяцовъ въ безпрерывномъ упражненїи.

Я знаю, сколько должно принять учтивостей изъ тѣхъ, какїя вы мнѣ являете. Не думайте, чтобъ я оными хотѣлъ тщеславиться. Смерть одна можетъ цѣнить славу великихъ людей; и какъ я вѣрно не буду свидѣтелемъ тому, что обо мнѣ по послѣднемъ издыханїи на другой день будутъ говорить, то и доволенъ тѣмъ, чтобъ исполнить должность свою, сколько сїе со-

стоишЪ во власти моей, не взирая на сужденїе общества, которое перемѣняется и что хвалитЪ вЪ одну минуту, то самое хулитЪ вЪ другую.

Не прогнѣвайтесь: ваши укрѣпленїя вЪ Берлинѣ кажутся мнѣ немного ребяческими. Естьли бЪ я не былЪ спокоенЪ вЪ разсужденїи участи сей столицы, то бы всѣ оплоты ваши не могли меня обезпечить.

Сохраняйте здоровье свое и вспомните, что вы почти полько и остались изЪ старинныхЪ моихЪ друзей, и естьли чернило

и бумага васъ не раззоряютъ, то пишите ко мнѣ чаще. Я буду просить васъ взять на себя трудъ доставить мнѣ книги и другія подобныя вещи, въ коихъ иногда имѣю нужду. Надѣясь же, что друзья мои одинакихъ со мною мыслей, не воображаю, чтобъ могъ ихъ когда нибудь обезпокоить.

Прости, любезный Дюганъ; сохраняй сколько нибудь дружбы къ своему воспитаннику, и будь увѣренъ, что никогда незабываетъ онъ должнаго къ тебѣ уваженія и признательности.

Фридрихъ.

ПИСЬМО VIII.

Октября 2 дня 1745 года.

Любезный ДюганЪ!

Я совершенно разграбленъ. [1] Купите для меня и отдайте въ переплетъ слѣдующія книги:

Боалово хорошее изданіе съ примѣчаніями, въ осьмую долю, которое можетъ быть найдете въ Жордановой библіотекѣ.

Боссуетову всеобщую исторію, въ осьмую долю.

1. въ сраженіи подъ СоромЪ, Сентября 30 дня 1745 году.

Цицероновы Тускуланы.

Рѣчи противъ Филиппа и Катилины.

Лукïана, переводу Абланкура.

Послѣднее изданïе Волтеровыхъ сочиненïй въ пяти книгахъ.

Изданïе Генрïады, 28го или 32го года.

Горацïя, переводу Пелегрина, въ двухъ книгахъ, въ осьмую долю.

Грессетовы стихотворенïя, послѣдняго и лучшаго изданïя г. Шолье, въ осьмую долю.

Руссо, хорошее изданïе въ осьмую долю.

Фукïеровы сочиненïя, въ осьмую долю.

Тюреневы послѣднïе два похода, въ осьмую долю.

Поэму Фонтенова.

Персидскïя письма, въ двухъ книжкахъ.

Сдѣлайте удовольствїе, мой любезный, отъищите сїи книги и перешлите ко мнѣ скоро; я думаю, вы сыщете, всѣ оныя въ библїотекѣ любезнаго Жордана.

Прости, другъ мой; я очень хорошо отдѣлался 30го числа, [1] что мнѣ и доставило удовольствїе еще увѣрить васъ въ истинной моей къ вамъ дружбѣ и благодарности.

Фридрихъ.

1. знаменитое сраженїе при Сорѣ или Траушенау, въ которомъ Король хотя потерялъ весь обозъ, но одержалъ побѣду.

ПИСЬМО IX.

изъ Траутенавскаго стану Октября 10 дня 1745 года.

Любезный Дюганъ!

Я почитаю васъ лѣкарствомъ отгоняющимъ сраженїя; ибо мы прошлаго году сколько ни старались подраться, ни въ чемъ однако не успѣли, а для нынѣшняго походу кажется, что сраженїе подъ Фридбергомъ довольно достаточно и мы принуждены были противу желанїя нашего поколотить Австрїйцовъ. Я надѣюсь, что на сей разъ съ нихъ до-

вольно будетъ, и общія желанія удовлетворятся. Вы знаете, что я теперь столь же умѣренъ какъ и прежде, и найдете меня можетъ быть поумнѣе прежняго, не столь заносчиваго и имѣющаго твердое намѣреніе сдѣлать во время войны и мира честь старинному своему Наставнику.

Прости другъ мой! я опасаюсь, что вы на долго опять замолчите, и по тому должно будетъ брать города, вступать въ сраженія или ожидать семь лѣтъ, чтобъ имѣть отъ васъ извѣстіе. Хотѣлось было мнѣ назвать

васъ лѣнивымъ, но отличное мое къ вамъ, почтенїе удерживаетъ меня именовать такимъ образомъ человѣка, который упоренъ въ молчанїи, не бывъ ничемъ занятъ.

Не забывайте меня; я ожидаю васъ въ Берлинъ къ 3^му числу Ноября, къ которому времени надѣюсь и самъ туда быть, оставаясь со всевозможнымъ почитанїемъ.

Вашъ вѣрный другъ

Фридрихъ.

ПИСЬМО X.

изЪ Траутенау Октября 15 дня 1745 года.

Любезный ДюганЪ!

И такЪ я обязанЪ пріятнымЪ своимЪ упражненіемЪ вашему попеченію! Книги ваши получилЪ исправно, и когда будутЪ готовы счеты, то и деньги за оныя заплатить не премину. Скажите бѣдному Петру, [1] что я его не оставлю. ГораздобЪ лучше было выписывать книги вЪ переплетѣ изЪ Парижа, нежели изЪ Голландіи. Бумага, печать и обдѣлка первыхЪ несравненно лучше.

1. слуга ЖордановЪ.

Вы вѣрно издѣваетесь надо мною; ибо я не всегда здѣсь занятъ важными упражненіями, и имѣю праздныя минуты для чтенія хорошей книги.

Завтре подвинемся мы къ Шацлару, гдѣ вступимъ на зимнія квартиры 20 Октября. Естьли прибавите къ тому время, которое долженъ я употребить на расположеніе и размѣщеніе войска, то увидите, что немогу возвратиться прежде втораго или третьяго Ноября.

Прости, любезный и старый другъ. По возвращеніи моемъ въ

Берлинъ, надѣюсь видѣть васъ у себя и имѣть удовольствїе обнять хотя одного изъ моихъ пріятелей, котораго смерть не похитила въ нынѣшнемъ году.

Фридрихъ.

ПИСЬМО XI.

Любезный Дюганъ!

Благодарю васъ премного за трудъ, которой вы съ усердіемъ приняли въ удовлетвореніи моего желанія. Грессетово изданіе не изъ лучшихъ и должно выписать Парижское въ переплетѣ: напишите о семъ къ Тиріоту. [1]

1. Тиріотъ былъ приверженъ къ Вольтеру, въ коего письмахъ часто о немъ упоминается. Онъ будучи посредственныхъ дарованій, имѣлъ однакожъ по одобренію его ученую переписку въ Парижѣ съ Королемъ, по самую смерть приключившуюся 1772 года, и получалъ приличную званію сему пенсію.

Въ скоромъ времени надѣюсь видѣть васъ въ Берлинѣ. Незабывайте друзей своихъ, и будьте увѣрены, что я вашъ вѣрный другъ.

Фридрихъ.

ПИСЬМО XII.

изъ Росштока Октября 25 дня 1745 года.

Любезный ДюганЪ!

Естьлибъ письма ваши покупались однѣми токмо сраженїями, то бы надлежало отвѣчать вамъ кровавыми буквами; но какъ вы теперь умягчились со мною; то оставимъ всѣ стычки и сраженїя ради тихихъ упражненїй.

Признаюсь вамъ, что я немогъ удержаться отъ слезъ развернувши книги покойнаго Жордана, и не могъ безъ сокрушенїя

сердечнаго помыслить, что уже нѣтъ болѣе въ свѣтѣ человѣка, котораго я любилъ. Сїе производитъ во мнѣ отвращенїе къ Берлину, ибо трудно перенесть лишенїе тѣхъ удовольствїй, кои вкушалъ я прежде въ семъ городѣ посредствомъ дружбы и бесѣды двухъ особъ, [1] о потерѣ коихъ вѣкъ свой жалѣть буду.

Ничего вѣрнаго не могу сказать вамъ о возвращенїи моемъ. Я надѣюсь быть у васъ къ вечеру перваго Ноября; однакожъ ни за что не отвѣчаю, ибо совер-

1. Жордана и Кейзерлинга.

шенно завишу отъ движенїй непрїятельскихъ войскъ. Хочу дождашься, пока оныя раздѣляшся, чтобъ быть спокойну въ Берлинѣ, и непринуждену опять сюда возвращашься.

Купите мнѣ хорошее изданїе Расиновыхъ сочиненїй и приготовше къ моему приѣзду. Прости любезный Дюганъ! я надѣюсь имѣть удовольствїе по прибытїи моемъ видѣть васъ у себя и увѣрить о всевозможномъ моемъ почтенїи и дружбѣ.

Фридрихъ.

ПИСЬМО XIII.

отъ г. Дюгана къ Королю, Ноября 22 дня 1745 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Предполагая, что *Ваше Величество* готовишесь къ сраженію, признаюсь, что не имѣю доволь-но спокойнаго духа выполнить волю *Вашу* и писать къ *Вамъ* философски. Философія моя состоитъ теперь въ испрашиваніи у Всевышняго, дабы наставилъ и предохранилъ *Ваше Величество* отъ несчастныхъ приключеній, даруя *Вамъ* такія выгоды надъ непріятелями, которыя прину-

дили бы ихъ просить миру. Я увѣренъ, *Всемилостивѣйшій Государь*, что *Ваше Величество* молите отъ всей души Творца о помощи, также испрашиваете ослабы въ погрѣшеніяхъ *Вашихъ*, которымъ Вы можетъ быть подпали, и въ твердомъ на него упованіи раздадите приказанія *Свои* съ обыкновенною неустрашимостію, и будете ожидать всякаго успѣха отъ благословенія небеснаго.

Простите, *Всемилостивѣйшій Государь* краткости сего письма. Какъ скоро Вы останетесь По-

бѣдителемъ, тогда я буду писать философски; а теперь изъясняюсь какъ христїанинъ, имѣя честь пребыть съ глубочайшимъ высокопочитанїемъ.

Вашего Величества

преданнѣйшїй Дюганъ.

ПИСЬМО XIV.

изъ Острицъ Ноября 28 дня 1745 году.

Любезный Дюганъ!

Слава Богу! получилъ я письмо ваше при окончанїи предпрїятїя моего, прогнавъ совершенно Принца Карла изъ Лаузица, и отнявъ у него три магазина. Не намѣренъ я описывать вамъ подробно дѣйствїй нашихъ, ибо надѣюсь, что оныя теперь всенародно извѣстны, и вы о всемъ знаете.

Философствуйте теперь какъ

вамъ угодно, безъ всякой опасности; ибо обстоятельствы наши благодаря Бога, въ хорошемъ положенїи. Мнѣ очень лестно, что избавилъ отечество отъ жестокаго бѣдствїя, и защитилъ толикое число мужественныхъ моихъ подданныхъ отъ меча и пламени фурїй разъяренныхъ на мое и моего государства погубленїе.

Естьли получу пріятныя извѣстїя отъ Принца Ангальша, то скоро буду въ Берлинѣ, гдѣ намъ можно будетъ философствовать въ тишинѣ, избавясь отъ

мучительныхъ безпокойствъ, въ которыхъ я по сіе время находился.

Прости, любезный другъ, не забывай и люби меня.

Фридрихъ.

ПИСЬМО XV.

отъ г. Дюгана къ Королю Ноября 30 дня 1745 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Жители города Берлина сначала обьяты были страхомъ, представляя опасности, которымъ война могла ихъ подвергнуть; но разсматривая одержанныя побѣды и всѣ подвиги *Вашего Величества*, ободрились, а на конецъ новые успѣхи *Вашего* оружїя, успокоили ихъ совершенно. Что до меня касается, *Всемилостивѣйшій Государь*, то я прине-

сши Богу благодареніе, удивляясь твердости разума, съ которымъ *Ваше Величество* располагали свои подвиги, и неустрашимости духа, съ каковымъ оные въ дѣйство производите. Напослѣдокъ размышлялъ и о томъ, что называютъ славою, и сколько въ такомъ случаѣ можетъ быть вмѣстно почтеніе къ лицу и дѣламъ, также и непоколебимости въ оныхъ.

Я изыскивалъ даже и то, не имѣютъ ли сіи добродѣтели другихъ основаній, кромѣ обыкновенно полагаемыхъ, и принялъ

бы смѣлость изъяснить Вамъ мысли свои, естьлибъ *Ваше Величество* не были гораздо просвѣщеннѣе меня въ сихъ предмѣтахъ. Въ прочемъ признательно скажу, что прудно мнѣ одному разсуждать о нравственности въ такое время, когда всѣ ни о чемъ другомъ не разсуждаютъ, какъ о Иройскихъ подвигахъ *Вашихъ*, и можетъ ли быть, чтобъ *Ваше Величество* занималисъ философіею, когда рубите Австрійцовъ?

Продолжайте намѣренія свои *Всемилостивѣйшій Государь*, принудьте непріятелей къ испро-

шенїю мира, и полагайтесь во всемъ на провидѣнїе Божїе, благодаря его за щасшливые успѣхи. *Вы* безспорно изъ всѣхъ Государей самый совершеннѣйшїй. Чссть имѣю пребыть и пр.

ПИСЬМО XVI.

изъ Бауцена, Декабря 7 дня 1745 года.

Я не знаю, какъ письмо ваше шло семь днéй отъ Берлина до здѣшняго мѣста. Вы, любезный Дюганъ, такъ крашки въ нравоученїи своемъ, что назначаете токмо такїя мнѣнїя, на кои всѣ невѣжды и я можемъ сдѣлать замѣчанїя.

Слава и честь суть благополучные вѣтры, споспѣшествующїе иногда мореплавателямъ, и которые почти всегда бываютъ непостоянны. Всѣ

алчущїе славы походятъ на Голландцовъ, которые въ началѣ сего столѣтїя не жалѣли знатныхъ суммъ для разноцвѣтныхъ тюлпановъ, коихъ скоротечная красота блекнетъ и вянетъ иногда на закатѣ тогоже солнца, при которомъ утромъ разцвѣтали. Изъ людей заслужившихъ достойно честь, почитаются безпрекословно первыми тѣ, которые дѣлаютъ добро единственно изъ любви къ самому добру, и слѣдуютъ при томъ мужеству и правосудїю не отъ чуждаго къ онымъ побужденїя;

къ послѣднему же отдѣленїю принадлежатъ тѣ, которые производятъ великїя дѣла токмо изъ тщеславїя: мужество ихъ не столь твердо какъ первыхъ; но при всей нечистотѣ сего источника могутъ и они поставлены быть въ числѣ великихъ людей, коль скоро общество отъ нихъ имѣетъ пользу. Катонъ принадлежалъ къ первымъ, а Цицеронъ ко вторымъ; изъ чего видно, что душа Стоика превышаетъ душу Академика.

Но я не знаю, для чего занимаюсь изображенїемъ для васъ

извѣстной истинны, имѣя долгъ изъявлять токмо почтенїе внушаемое мнѣ всегда твердою вашею добродѣтелью. Я надѣюсь скоро лично увѣрить васъ въ ономъ, когда только небо позволитъ мнѣ положить конецъ ужасной войнѣ, и чтобъ я могъ среди отечества и сѣмьи моей наслаждаться спокойною бесѣдою друзей моихъ, и посвятить наукамъ минуты остающїяся отъ государственныхъ дѣлъ.

Прости, любезный Дюганъ! и будь увѣренъ, что непрестану тебя почитать.

Фридрихъ.

ПИСЬМО XVII. [1]

Пожаловавъ дочери вашей пристa ефимковъ пенсіи изъ Гофъ-штатсъ-кассы; [2] прилагаю при семъ копію съ повелѣнія, которое, послалъ куда надлежало.

1. Вдовствующая гжа Дюганъ, къ коей изъ Кабинета сіе письмо писано, была мать Дюгана Жандюна. Дочь ея, о которой здѣсь упомянуто, вышла за Ламелуза, (см. слѣдующее письмо) а оба сыновья, о коихъ Король обѣщается имѣть попеченіе, Дюганъ Бансъ и Дюганъ Кревекюръ, скончались въ Голландской службѣ, изъ которыхъ первый былъ Генераломъ. (см. письмо 8 въ примѣчаніи).

2. Придворное государственное казначейство.

Въ прочемъ не оставлю попеченія о вашихъ сыновьяхъ, и для того пришлите меньшаго по возвращеніи его изъ нынѣшняго походу, а старшаго по окончаніи войны. Берлинъ. Генваря 9 дня 1746 года.

Фридрихъ.

ПИСЬМО XVIII.

Какъ письмо ваше отъ 6 го числа сего мѣсяца согласно съ моимъ намѣренїемъ въ разсужденїи оставленїя дома вашего, въ такъ называемомъ новомъ городѣ, подъ березами въ шакомъ состоянїи, въ какомъ нынѣ находится, то я весьма доволенъ, что уважая слабость вашего здоровья, могу въ томъ васъ удовлетворить. Я неоставлю дать повелѣнїя, дабы онаго не переправлять, и вы можете по тому окончать въ немъ дни ваши спокойно, не

опасаясь, чтобъ васъ принудили оный оставить. Въ прочемъ молю Бога, да приметъ васъ въ святый свой покровъ.

Потсдамъ, Сентября 8 дня 1772 года.

Фридрихъ.

Вдовѣ Ламелузъ урожденной Дюганъ де Жандюнъ. [1]

1. Вдовствующая гжа Ламелузъ, сестра г. Дюгана Жандюна, имѣла подъ березами домъ на противу того, который прежде именовался дворцомъ Принцессы Амаліи.

КОНЕЦЪ.